

ИЗ ОПЫТА СОПОСТАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ЧУВАШСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются некоторые глагольные формы чувашского и турецкого языков в сопоставительном плане. Автор показывает основные различия в функционировании причастий, временных и аспектуальных форм в обоих сопоставляемых языках. Подобное исследование является актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Оно позволит лучше понять основные тенденции развития тех или иных форм глагола.

Ключевые слова: *глагольная форма, причастия, деепричастия, аспектуальные формы, категория времени глагола.*

The article deals with some verbal forms of the Chuvash and Turkish languages in the contrastive-comparative plan. The author displays the main distinctions in functioning of participles, tense and aspectual forms in both compared languages. Such research is pressing from the theoretical and practical standpoint. It makes possible to understand better the main tendencies of development of these or those verbal forms.

Key words: *verbal form, participles, adverbial participles, aspectual forms, category of the verbal tense.*

Сопоставительное изучение глагольных форм чувашского и турецкого языков в синхронном аспекте является полезным и познавательным как с теоретической, так и с практической точек зрения. В практическом плане подобное сопоставление способствует более легкому обучению турецкого языка чувашами и чувашского языка турками. Теоретическая же значимость такого изучения состоит в выявлении общих тенденций развития и функционирования грамматических форм, что, несомненно, окажет помощь в создании теоретической грамматики обоих языков. В процессе сопоставления грамматических форм особое значение имеет тот факт, что чувашский язык, являясь по своей структуре и происхождению языком тюркской группы, занимает обособленное положение в ряду родственных языков. Такое положение определяется, прежде всего, тем, что большинство форм чувашского языка фонетически отличаются от аналогичных форм других тюркских языков. Однако различия имеются и в семантике глагольных форм чувашского и турецкого языков. Некоторые из них мы хотим рассмотреть в нашей статье.

Система, так называемых, причастных форм в обоих исследуемых языках обладает достаточно сложными внутривидовыми взаимоотношениями. Во-первых, отметим, что термин «причастие», используемый в традици-

онных грамматиках чувашского и турецкого языков, не вполне отражает то функциональное многообразие, которым обладают эти формы. На это указывают и ученые – представители петербургской тюркологической школы [Матушкина, 2013: 13–24]. Для более точной передачи функционально-семантических особенностей подобных форм ими введен в оборот термин «субстантивно-адъективная форма», который в частности применяется для описания турецких форм с показателями *-dik* и *-acak* [Гузев, 2011: 312–314]. По нашему мнению, этот термин не совсем подходит для форм чувашского языка, передаваемых аффиксами *-нӑ/-нӗ*, *-ас/-ес*, *-малла/-мелле* и др., которые помимо функций субстантива и адъектива могут выполнять и функции предикатива и адverbума [Лебедев, 2013: 112–125]. Таким образом, если в адъективной функции чувашские формы с показателями *-нӑ/-нӗ*, *-ас/-ес* соответствуют турецким причастиям на *-miş* и *-acak* (*gelmiş insan* – *килнӗ сын* «пришедший человек», *gelecek insan* – *килес сын* «человек, который придет»), то в функции субстантива они соответствуют субстантивно-адъективным формам турецкого языка с показателями *-dik* и *-acak* (*geldiğini biliyorum* – *килнине пӗлетӗп* «я знаю, что он пришел», *geleceğini biliyorum* – *килессине пӗлетӗп* «я знаю, что он придет»). При этом функционирование упомянутых форм в качестве субстантива происходит только в сочетании с аффиксами, которые вносят дополнительную семантику номинализации действия. В турецком языке – это аффиксы принадлежности, а в чувашском языке – аффикс выделения с показателем *-и*.

Некоторые интересные особенности мы можем наблюдать у чувашской формы на *-малла/-мелле*, которая семантически и формально соответствует форме с показателем *-malı* в турецком языке, передавая значение долженствования. Однако ее отличия от турецкого аналога состоит в том, что, во-первых, в предикативной функции она не способна принимать аффиксы лица, а во-вторых, личные местоимения, которые с ней сочетаются, должны иметь притяжательную форму (*Ben gelmeliyim* – *Манӑн килмелле* «я должен прийти»).

Имеется ряд различий и у форм, составляющих категорию аспектуальности в чувашском и турецком языках. Прежде всего, отметим, что в чувашском языке данную категорию могут составлять как аналитические формы (сочетания причастий и деепричастий со вспомогательными глаголами), так и формы, образованные синтетическим путем – аффиксы. Ко вторым относятся аффиксы *-ала/-еле*, *-кала/-келе*, имеющие значение интенсивности и многократности (*чавала-* «раскапывать, разрывать», *сыркала-* «пописывать», *вулакала-* «почитывать» и др.). В турецком языке подобных форм не наблюдается. Более разнообразны в чувашском языке и аналитические формы с акционсартовыми значениями. К ним относятся формы, образованные при участии причастий с показателями *-акан/-екен* и *-ми* и вспомогательного глагола *пул* «быть, становиться» со значением начала протекания действия (*килекен пул* «начинать приходить», *килми пул* «перестать приходить» и др.); формы с

деепричастиями на *-ca/-ce* и *-a/e* с разными вспомогательными глаголами, передающие всевозможные количественные, фазовые и векторные значения, а также значения эготива и адрессива (*вула пушла-* «начинать читать», *юратса пӑрах-* «влюбиться», *чирлесе ўк-* «заболеть», *ўссе пыр-* «продолжать расти», *кулса ил-* «слегка улыбнуться», *вӑрсса тӑк-* «обругать», *вӑссе кай-* «улететь», *кӑтсе ил-* «дождаться», *вуласа пар-* «прочитать для других» и др.). В турецком языке для передачи акционсартовых значений начала, конца, продолжительности и интенсивности протекания действия (векторные значения и значения эготива и адрессива отдельными формами не передаются) используются аналитические формы, образованные при помощи причастий с показателями *-Ar*, *-mIş*, деепричастий с показателями *-(y)A*, *-(y)Ip*, *-(y)li* имени действия с показателем *-makta/-mekte*, которые сочетаются с различными вспомогательными глаголами. Количество этих вспомогательных глаголов гораздо меньше, чем в чувашском языке. Среди них присутствуют такие глаголы, как *olmak* «быть, становиться», *bulunmak* «находиться», *gitmek* «уходить», *durmak* «стоять», *kalmak* «оставаться», *vermek* «давать», *gelmek* «приходить» и др. [Михайлов, 1965]. Часть из этих глаголов по орфографической традиции пишутся слитно с формой деепричастия (*gidedurmak* «долго идти», *donakalmak* «застыть», *oturuvermek* «быстро сесть», *bakadurmak* «долго смотреть» и др.).

Система форм времен глагола в турецком языке более многочисленна, чем в чувашском языке. В связи с этим, некоторые временные формы в чувашском языке объединяют в своей семантике те значения, которые в турецком языке передаются разными формами. Например, чувашская форма настоящего времени с показателем *-am/-em* в зависимости от контекста может иметь значение и настоящего актуального действия и действия, происходящего постоянно, и будущего категорического действия (*каямӑп* «я иду, хожу, пойду»). В турецком же языке эти значения передаются тремя разными формами – *gidiyorum*, *giderim*, *gideceğim* «я иду, хожу, пойду». Турецкая форма с показателем *-ar/-er* может иметь также и значение будущего предположительного действия – *giderim* «я возможно пойду». А в чувашском языке для передачи такого значения используется отдельная временная форма с показателем *-ӑ/-ӛ* – *кайӑп* «я возможно пойду». Отметим также и наличие в турецком языке особых форм настоящего длительного (*-makta/-mekte*) и ближайшего будущего (*-makl/-mek üzere*) времен. В чувашском языке подобные формы отсутствуют.

Функционально-семантические различия глагольных форм в чувашском и турецком языках не ограничиваются теми, которые были представлены в настоящей статье. Языковой материал, имеющийся у автора, достаточен для подготовки отдельного монографического исследования. Однако уже на приведенном выше материале можно сделать вывод о наличии в обоих исследуемых языках определенных тенденций в развитии и функционировании грамматических форм глагола.

Литература

Гузев, В.Г. Глагольное словоизменение в турецком языке / В.Г. Гузев // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. – С. 289–351.

Лебедев, Э.Е. Функционально-семантические особенности причастия на *-нӑ/-нӗ* в чувашском языке / Э.Е. Лебедев // Чувашский гуманитарный вестник. – № 8. – Чебоксары, 2013. – С. 112–125.

Матушкина, Н.А. К вопросу о понятии «причастие» в свете данных агглютинативных языков / Н.А. Матушкина // Российская тюркология. – № 1 (8). – М. – Казань, 2013. С. 13–24.

Михайлов, М.С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола / М.С. Михайлов. – М.: Наука, 1965. – 130 с.

Максимов Николай Валентинович

Казан (Идел буе) федераль университеты, Казан

МОНОЛОГ ҺӘМ ДИАЛОГ ТӨЗҮ ТЕХНОЛОГИЯСЕ

В статье рассматривается технология обучения татарскому языку как неродному. Обосновывается целесообразность обучения на синтаксической основе. Выделение синтагматической модели речи в качестве основы обучения неродной речи позволяет акцентировать внимание обучаемого на алгоритме построения словосочетаний и предложений. Опора на алгоритмы помогает обучаемому варьировать стабильными синтаксическими конструкциями в процессе создания монолога-рассказа и выстраивания на этой основе диалогов.

Ключевые слова: словосочетание, предложение, модель речи, монолог-рассказ, диалог.

The article deals with education technology of Tatar as a foreign language. It substantiates the practicability of study at the syntactic basis. Considering a word-combination as a base of a sentence gives the opportunity to draw a student's attention to the word-combination structure. The use of patterns helps the student to vary the syntactic structures, making up a base text or a dialogue.

Key words: word-combination, sentence, model of speech, monologue-story, dialogue

Ана телен белмәгән татар яки рус баласына татар телен өйрәтүдә тупланган эш тәҗрибәсе шуны күрсәтә: баланы ана телендә яки чит телдә сөйләргә, аралашырга өйрәтү процессы сөйләм калыпларын үзләштерүгә нигезләнәп оештырылганда гына көтелгән нәтиҗәләргә ирешеп була.

Сөйләм калыбы ул – конкрет бер тема буенча сөйләшүне коммуникатив һәм композицион бөтен (микротекст, макротекст) буларак оештырырлык, көндәлек тормышта мәгънәсе ягыннан иң еш кулланыла торган сүзләр,